

УДК: 821.161.2:82.091.«17/18»

А. А. Николова

Запорожский национальный университет, Министерство образования и науки Украины, ул. Жуковского, 66, 69063 Запорожье, Украина, +380 (0612) 277 98 81, anikolova@ukr.net

ПСЕВДОМОРФНЫЕ ИНФЕРНАЛЫ УКРАИНСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII — 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В данной статье рассматривается вопрос о специфическом феномене — псевдоморфных персонажах: их характерной чертой является несоответствие сущности и её формальной презентации/рецепции, мнимость, иллюзорность. Псевдоморфные инферналы — демонические потусторонние существа, которые посредством метаморфоз, «очеловечивания» выдают себя за причастных к человеческому миру, живых людей. Такие образы особенно популярны в фантастических произведениях фольклора и литературы (сказках, балладах, «страшных» рассказах). Мы анализируем специфику их художественной реализации в украинской и немецкой литературах конца XVIII — 1-й половины XIX века (творчестве И. В. Гёте, А. фон Шамиссо, В. Гауфа, Г.-А. Бюргера, П. Белецкого-Носенко, Ф. Куприенко, Г. Квитки-Основьяненко и др.), а также указываем на связь с традиционными мотивами («мёртвый жених/муж приходит к своей невесте/жене», «человек общается с очеловеченным дьяволом»). В статье сделан вывод о популярности псевдоморфных инферналов и перспективах их компаративных исследований в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: псевдоморфные персонажи; псевдоморфные инферналы; фантастика; мотив, фольклорная и литературная демонология.

Библиогр.: 20 назв.

A. A. Nikolova

Zaporizhzhya National University, Ministry of Education and Science of Ukraine, Zhukovsky str., 66, 69063 Zaporozhye, Ukraine, +380 (0612) 277 98 81, anikolova@ukr.net

PSEUDOMORPHIC INFERNALS OF UKRAINIAN AND GERMAN LITERATURE IN THE END OF 18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

The article deals with the question of pseudomorphic personages as a specific phenomenon. We indicate that a characteristic feature of pseudomorphic personages is the discrepancy of form and essence. Pseudomorphic infernals have hellish, otherworldly essence, but they present themselves as people. They are especially popular in fiction. Aim of the article is analysis the specifics of research of pseudomorphic infernals in Ukrainian and German literature's fantastic discourse in the end of the 18th — first half of the 19th centuries (works of J. W. Goethe, A. von Chamisso, V. Hauff, G.-A. Burger, P. Beletsky-Nosenko, F. Kuprienko, G. Kvitka-Osnovyanenko). We define the genre range of personages use. They function in folklore and literary fairy tales, ballads, gothic stories. Also we characterize traditional motives, which associated with them: “dead groom or husband comes to his bride or his wife”, “a person communicates with the devil, that looks like a man” and others. We conclude that pseudomorphic characters are very popular in literatures of different nations and about the prospects of studying of this phenomenon in different contexts.

Key words: pseudomorphic personages; pseudomorphic infernals; fantasy; motive; folklore and literary demonology.

Ref.: 20 titles.

Введение. Несоответствие истинного и видимо-рецептивного — одна из вечных тем в творчестве различных народов. Её рассмотрение с позиций сравнительного литературоведения целесообразно осуществлять с учётом как сходных тенденций художественного воплощения, их детерминант (типологического и контактно-генетического факторов), так и специфики образно-мотивной реализации в контексте определённых национальных жанровых традиций.

Детальный анализ богатого фактического материала в соответствующем плане открывает перспективы компаративных исследований отдельной разновидности персонажей, общей дифференциальной чертой которых является псевдоморфность (от древнегреч. «псевдо» обман, ложность, мнимость [1, с. 407] и «морфе» форма [1, с. 318]), т. е. неприродное нарушение соответствия между их сущностью и её формальной презентацией/рецепцией. Такие персонажи выдают себя за других, неадекватно воспринимаются (вследствие метаморфоз, переодеваний, притворств, создания иллюзий, ситуативных диссонансов). Также они тесно связаны с некоторыми традиционными мотивами.

Методология и методы исследования. Использовались системный метод, а также метод сравнительного анализа.

Организация исследования. Как правило, псевдоморфность выражается радикальным противоречием на уровне базовых категориальных понятий «верх—низ» и «свой—чужой». Первая антиномия может быть конкретизирована, например, в аспекте социальных ценностей (псевдобогачи, псевдоправители, псевдобедняки) или гендерной иерархии (травести-персоны), вторая — через ассоциативную соотнесенность с представлениями о семье, роде, нации (псевдородственники, псевдосуруги, псевдосоотечественники и т. д.), человеческом мире в целом.

Характеризуя народное мышление, А. Байбурин отмечает, что «свое концентрируется вокруг этой точки на земле, а чужое — на небе и/или под землёй» [2, с. 187], «в самых общих чертах своё — принадлежащее человеку, освоенное им; чужое — нечеловеческое, звериное, принадлежащее богам, область смерти» [2, с. 183]. Показательны с этой точки зрения распространённые в международной фольклорно-мифологической традиции мотивы превращения героя в животное, птицу, растение (при сохранении способности мыслить и чувствовать по-человечески), временного очеловечивания богов, а также инфернальных (от лат. *inferna* адский, подземный, демонический) существ.

К последним относятся различная «нечисть», черти, духи, ожившие мертвецы и т. д. «Безусловно, самые “активные оборотни” христианской традиции — это демоны, которые без конца меняют личины, чтобы так или иначе повлиять на людей...» [3, с. 16]. Будучи по сути своей частью «чужого» (потустороннего, адского, враждебного) людям мира, они имитируют принадлежность к миру земному, человеческому.

Псевдоморфные инферналы выдают себя за людей, вторгаясь в земное пространство преимущественно с единственной целью — посредством создания иллюзий, обмана погубить души и жизни тех, кто оказывается определённым образом связан с ними, например, посредством договора (мотив «сделка человека с дьяволом»), ворожбы, нежелания мириться со смертью близкого человека, узами брака («визит мёртвого жениха/мужа»). Они активно функционируют в народных сказках, легендах, балладах, откуда «переходят» и в художественную литературу.

В творчестве немецких писателей рассматриваемого нами периода такие образы встречаются неоднократно. Так, например, уже на страницах «Фауста» И. В. Гёте Мефистофель несколько раз предстаёт в антропоморфном виде, дурача встречающихся на его пути персонажей. В одежде Фауста дьявол изображает учёного перед студентом (убеждает предаваться земным наслаждениям, а не наукам); скрывая свою истинную сущность за человеческим обликом, веселится в питейном погребке, общается с Мартой, изображает шута при дворе императора и т. д. Черта не узнает даже ведьма, которой он объясняет своё «очеловечивание» требованиями современного мира. «Все в мире изменил прогресс. / Как быть? Меняется и бес. / Арктический фантом не в моде, / Когтей ты не найдёшь в заводе, / Рога исчезли, хвост исчез. / С копытом вышел бы скандал, / Когда б по форме современной / Я от подъёма до колена / Себе гамаш не заказал» [4, с. 147].

Образ антропоморфного инфернала, который искушает богатством, появляется также в творчестве немецких романтиков. Скромный господин в старомодном сером костюме меняет кошелёк Фортуната на тень («Удивительная история Петера Шлемиля» А. фон Шамиссо), а угольщик Петер продаёт «Голландцу Михелю» свое сердце, приобретая взамен каменное («Холодное сердце» В. Гауфа). Вполне закономерно, что полученные от дьявола деньги не приносят персонажам ожидаемого счастья, обрекая на страдания.

Сюжетная ситуация встречи с демоническим существом, использующим для «маскировки» человеческую внешность, популярна также в украинской фантастике 1-й половины XIX века, отмеченной, как и немецкая сказка романтизма, связями с народнопоэтической традицией. Типичный для фольклорной и литературной демонологии мотив «сделки человека с нечистой силой» писатели трансформируют в соответствии с культурными потребностями национального самовыражения — «одевают» инферналов в украинский костюм, изображают в контексте бытовых реалий украинской действительности. При этом мнимый антропоморфизм может служить частичным оправданием их жертв, которые не сразу понимают, с кем имеют дело.

Так, например, в произведении Г. Квитки-Основьяненко «Вот тебе и клад» повествователь иронично комментирует недогадливость Масляка, который поддался на искушение Юдуна (дьявола). «Так як він не розглядів і не розчумав нічого? А тут усе видно, як скло! Чому у Юдунового каптана задне полотнище довге, неначе у панеї? Еге! хвіст закривало. Чому на ньому така висока шапка та ще з вуглами? На роги бо надіта. Чи чоловіча ж на ньому твар? І у річах він дзидзикав, мов жид. Аж ось і стало, що то був чорт, справжній, настоящий чорт!... А Масляк не пізнав. А якби, було, пізнав, то, певно, від нього, а може б, і від скарбу, відцурався. Тут же, як увесь глузд загубив і прийняв чортяку за доброго чоловіка та ще й батьком його назвав і аж до ніг його припадав, так тут вже не жди доброго!» [5, с. 201].

Так же, не поняв, кем является старый скрипач, Терешко перенимает у черта его умения и теряет здоровье («Хромой скрипач» Л. Боровиковского). А в «страшном рассказе» Ф. Куприенко «Как нажито, так и прожито» господин в чёрном жупане и шляпе покупает душу Ивана за волшебный кошелёк (подчёркнуто заурядная внешность антропоморфного инфернала и предмет обмена закономерно вызывают ассоциации с произведением Шамиссо).

Колоритные образы очеловеченной нечисти создаёт Н. Гоголь, творчество которого по праву может считаться межнациональным феноменом, перспективным объектом для рассмотрения в контексте как русской, так и украинской литературы [6, с. 215]. Например, Басаврюк, инфернальный искуситель в человеческом обличье, заключает с Петром сделку, которая имеет для последнего трагические последствия («Вечер накануне Ивана Купала»). «В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадёт, как в воду, и слуху нет. Там, глядь — снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберёт встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка — как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серёг, монист — девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки» [7, с. 39].

Особого внимания заслуживает мотив «визит мёртвого жениха/мужа», который также неоднократно используется мастерами слова (чаще всего в балладах и «страшных рассказах»).

Псевдоморфность «жениха-призрака» обусловлена неадекватностью поведения (мертвец не сообщает невесте о собственной смерти, позиционирует себя как принадлежащего к миру людей) и рецепции (покойника девушка считает живым). В их диалогах может обыгрываться народнопоэтический символический параллелизм переходных обрядов — похорон и свадьбы: мертвец говорит о загробном бытии, а девушка думает о венчании. Такая

симулятивно-иллюзорная ситуация скрывает трагический потенциал: не зная страшной правды, жертва следует за возлюбленным в могилу.

Соответствующий сюжет является международным: он встречается в немецком, датском, шотландском, французском, английском, славянском фольклоре [8; 9, с. 158; 10—13]. Исследователи считают, что истоки этого популярного нарратива теряются в глубинах человеческого сознания, он имеет многочисленные модификации, включающие в себя самые различные смыслы [11, с. 141]. Однако среди наиболее известных его литературных трансформаций отметим балладу немецкого писателя Г.-А. Бюргера «Ленора»: она «обошла весь мир», а «поведанное в ней предание воспринималось как пример высшей любви, для которой и смерть не преграда, и эта история пересказывалась на все лады бесчисленными подражателями» [14, с. 11].

Именно под влиянием данного произведения история о возвращении призрака возлюбленного популяризуется в русской и украинской литературах 1-й половины XIX века: образ такого псевдоморфного инфернала появляется на страницах «Людмилы» и «Светланы» В. Жуковского, «Ольги» П. Катенина, «Ивги» П. Белецкого-Носенко, «Маруси» Л. Боровиковского, «Натальи» Н. Костомарова и т. д. [11, с. 143; 15, с. 12; 16, с. 17]. При этом осуществляется не просто заимствование, а осознанная трансформация в соответствии с потребностями воспринимающей культуры. Сюжет Бюргера приобретает специфическую национальную окрашенность, а религиозная дидактика либо сохраняется, либо заменяется рационалистичным толкованием событий (мотив сна в «Светлане» В. Жуковского и «Марусе» Л. Боровиковского).

В балладе Л. Боровиковского «Колдунья», напротив, демонстрируются пагубные последствия магии, с помощью которой героиня хочет исполнить свои желания: попытки де-вушки приворожить юношу завершаются визитом его двойника-призрака.

«Малороссийский рассказ» П. Кулиша «О том, от чего в местечке Воронеже высох Пешевцов став», с одной стороны, ассоциируется с балладами о визитах мёртвых женихов, а с другой — с народной демонологией, верой в возможность любовно-эротических отношений между женщиной и пришельцем с того света. «Согласно повсеместно распространённым народным рассказам, нечистая сила начинает ночами навещать вдову или солдатку, тоскующую по отсутствующему или — особенно — покойному мужу, приняв его облик» [17]. Такой «негативный брачный дублёр... обязательно так или иначе связан с потусторонним миром (это демон или дух умершего)» [17]. «Особый случай — оборотень, который выступает в качестве ложного брачного партнёра, иногда подменяющего умершего или отсутствующего жениха (~ невесту, мужа, жену)» [17].

Героиня Кулиша Наталья своей безграничной тоской вызывает душу мёртвого мужа, которого она считает живым. «И вдруг Грицько стал перед нею. “Это ты, Грицько!” — вскрикнула Наталка, вздрогнувши. — “Я, я, моё сердце! Только молчи, ради Бога!” ... Усомнилась Наталка и стала осматривать его с ног до головы. Но нет, это он, это точно ея Гриць! Она и радовалась, и вместе ей было чего-то страшно» [18, с. 212]. Закономерный финал таких свиданий — гибель безмерно любящей женщины.

В «страшных рассказах» Ф. Куприенко «Ведьмак» и А. Афанасьева-Чужбинского «Упырь» также используется мотив «визит мёртвого мужа». В первом случае покойник ведёт себя как живой, желая и после смерти исполнять супружеский долг, во втором — он мстит своей жене за неверность. «Сексуальные устремления такого оборотня обычно неотделимы от каннибальских/вампирических намерений...» [19, с. 7].

Однако украинские писатели не только используют данный материал в традициях демонологии, создавая атмосферу ужаса, но и трансформируют его в комическом аспекте. Так, например, в «Оборотне» П. Белецкого-Носенко умерший Панько является по ночам жене до тех пор, пока она не высказывает желания последовать за ним в могилу, и он, испуганный такой перспективой потустороннего воссоединения, исчезает навсегда. А в произведении

«Мертвец-шалун» Г. Квитка-Основьяненко весь сюжет своей «шутки в двух действиях» строит на мотиве «визит мёртвого жениха».

Алексей Быстров, любитель всевозможных розыгрышей, планируя в очередной раз позабавиться за чужой счёт, выдаёт себя за призрак покойного Владимира перед его невестой. «Я люблю всякого рода проказы. Понравится мне город — я в нем умираю, займу собой жителей; потом, когда меня погребут, я отправляюсь далее с новыми замечаниями» [20, с. 232]. Украинский драматург полностью отказывается от фантастической версии известной истории, создавая её пародию, в которой смеховой эффект обуславливается, в первую очередь, несоответствием сущности Быстрова и её формального восприятия, а также абсурдностью ситуации, которую создаёт «мертвец», проявляя недюжинную жизненную активность (решает финансовые проблемы, интересуется женским полом, принимает вызов на дуэль и даже пытается следовать требованиям этикета). «А, это намёк, что я не отдал вам должного почтения и не снял шляпы. Но вот извольте видеть: я боялся вежливостью моей навлечь вам неприятность. Я сегодня умер, и доктор ваш так не мастерски вскрыл мне череп, что он вдребезги рассыпался, и я с трудом все увязал; так, боясь растерять мою голову, я хотел было не снимать шляпы; но при вас... постараюсь осторожнее снять её» [20, с. 248]. В этом произведении Г. Квитка-Основьяненко осовременивает, комически трансформирует популярный у различных народов мотив.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о популярности псевдоморфных инферналов в литературах рассматриваемого периода, обусловленной различными факторами (тенденциями развития культурного процесса, межнациональными связями конца XVIII — 1-й половины XIX века, обращением украинских и немецких писателей к фольклорным источникам, ролью «демонологической» традиции в определённых жанрах), а также о перспективах и необходимости компаративных исследований данного феномена в более широком контексте.

Список цитируемых источников

1. Локшина, С. М. Краткий словарь иностранных слов / С. М. Локшина. — 10-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1988. — 632 с.
2. Байбурун, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурун. — СПб. : Наука, 1993. — 253 с.
3. Антонов, Д. И. Оборотничество в русской иконографии, книжности и фольклоре: стратегии репрезентации / Д. И. Антонов // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации : материалы Междунар. конф. (г. Москва, РАНХиГС, 11—12 дек. 2015 г.) / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. — М. : Дело, 2015. — С. 14—26.
4. Гете, И. В. Фауст / И. В. Гете ; пер. с нем. Б. Пастернака. — М. : Гос. изд. худож. лит., 1957. — 618 с.
5. Квітка-Основ'яненко, Г. Ф. От тобі і скарб // Зібрання творів : у 7 т. / Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. — Київ : Наук. думка, 1981. — Т. 3. — С. 192—216.
6. Грабович, Г. До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. — Київ : Основи, 1997. — 608 с.
7. Гоголь, Н. В. Вечер накануне Ивана Купала / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасычником Рудым Паньком. — М. : Дет. литература, 1964. — С. 36—52.
8. Сазонович, И. П. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии, европейской и русской / И. П. Сазонович. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. окр., 1893. — VII, [1], 253 с.
9. Вацура, В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацура. — М. : Новое лит. обозрение, 2002. — 544 с.
10. Петрухіна, Л. Поетика фантастичного у слов'янській романтичній баладі / Л. Петрухіна // Проблеми слов'язнознавства. — 2007. — Вип. 56. — С. 103—111.
11. Петрухіна, Л. Діалектика ероса і танатоса у слов'янській романтичній баладі / Л. Петрухіна // Проблеми слов'язнознавства. — 2004. — Вип. 54. — С. 137—147.
12. Козлова, Н. К. Народные параллели литературных баллад на сюжет «жених-мертвец» / Н. К. Козлова // Вестн. Ом. ун-та. — 2012. — № 2. — С. 388—393.

13. *Арендаренко, І.* Фольклорно-міграційний сюжет про прихід мертвого нареченого в інтерпретаціях англійських та українських поетів-романтиків / І. Арендаренко // Слово і час. — 2002. — № 1 (493). — С. 68—73.
14. *Зверев, А.* Вашингтон Ирвинг / А. Зверев // Ирвинг В. Новеллы ; пер. с англ. А. Бобовича. — М. : Правда, 1987. — С. 3—14.
15. *Ерофеев, В.* Мир баллады / В. Ерофеев // Воздушный корбаль : Переводы / сост. А. Г. Мурик, А. В. Парина. — М. : Правда, 1986. — С. 3—16.
16. *Яценко, М. Т.* Українська романтична поезія 20—60-х років XIX ст. / М. Т. Яценко // Українські поети-романтики : Поет. твори / упоряд. і приміт. М. Л. Гончарука. — Київ : Наук. думка, 1987. — С. 5—36.
17. *Неклюдов, С. Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов // Восточная демонология. От народных верований к литературе: сб. / отв. ред. Н. И. Никулин, А. Р. Садокова. — М. : Наследие, 1998. — С. 6—43. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm>. — Дата доступа: 14.05.2016.
18. *Куліш, П.* О том, от чего в местечке Воронеже высох Пешевцов став / П. Куліш // Малороссийские рассказы / П. Куліш // Киевлянин. — 1840. — Кн. 1. — С. 205—228.
19. *Неклюдов, С. Ю.* Откуда берутся оборотни / С. Ю. Неклюдов // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации : материалы Междунар. конф. (г. Москва, РАНХиГС, 11—12 дек. 2015 г.) / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. — М. : Дело, 2015. — С. 7—14.
20. *Квітка-Основ'яненко, Г. Ф.* Мертвец-шалун // Зібрання творів : у 7 т. / Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. — Київ : Наук. думка. — 1979. — Т. 2. — С. 229—260.

Поступила в редакцію 17.10.2016